

И. ЗАРИПОВА

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВИДОВ
ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ТҮРКОЛОГИИ

Мақалада турки тилдеріндегі бақынықылық байланыстың түрлерін жүйелеу жайы қарастырылған. Синтаксистік байланыстың басты түрлерінің бірі – менгерудің бөліну принциптері жүйелі түрде талданып, ол туралы түрколог-ғалымдардың еңбектеріне шолу жасалған.

Makalede cümle öğeleninin tabii ilişkileri sözkonusudur. Bu ilişkilerin tip ve türleri gösterilmiş olup bağlanulann "geniş" ve "dar" şekilleri analize edilmiştir.

Вопрос о синтаксической связи слов и ее типах в индоевропейских языках ставился раньше, чем в работах тюркологов. И на этом примере разделение подчинительной связи на три вида: управление, согласование, примыкание в своё время было перенесено в грамматику тюркского языкознания: татарского (А.Троянский, М.Иванов, М.А.Казем-Бек, К.Насыри, Дж.Валиди, В.Н.Хангильдин), киргизского (И.А.Батманов), башкирского (Н.К.Дмитриев), турецкого, узбекского (А.Н.Кононов, Н.А.Баскаков) и др. языков. А якутские и карачаево-балкарские языковеды выдвигали еще и четвертую форму подчинительной связи: изафет (Е.И.Убрятова, У.Б.Алиев).

В татарском языкознании существует и другая концепция, по которой подчинительная связь подразделяется на предикативную, конкретизирующую и пояснительную [1, 80].

Важно указать на три аспекта классификационной оценки традиционного деления. Во-первых, в одном классификационном ряду согласование, управление и примыкание могут стоять только как такие способы включения слова в синтаксические построения, которые различаются исходя из того, реагирует ли форма слова на синтаксическую связь с другими словами. Во-вторых, лишь в указанном смысле справедлива трактовка согласования, управления и примыкания как типов присловной подчинительной связи. Что касается грамматических средств обозначения связи с определенным словом, то на такую связь с полной чёткостью указывает только согласование. В-третьих, самостоятельными способами синтаксической организации, опирающимися на способность слов выражать синтаксические отношения своими формами, могут быть признаны только согласование и управление. Примыкающее слово не располагает грамматическими возможностями передачи синтаксических отношений.

В татарском языке, по нашему мнению, наблюдается более трёх разновидностей подчинительной связи: управление; согласование (связь, которая фиксируется только в отношении связи уточнения (аныклагыч) с уточняемым словом (аныкланмыш); уподобление (связь двух имен, одно из которых имеет аффикс притяжательного или основного падежа, другое –

аффикс принадлежности третьего лица, при которой зависимый и главенствующий компоненты уподобляются друг другу, предопределяя форму друг друга); грамматическое притяжение (связь, при которой зависимые компоненты предполагают наличие главного компонента определенного лексико-грамматического разряда: *уқыгач белди, кызлекле кеше*); контактное лексико-семантическое притяжение (связь, при которой роль средства связи выполняют не аффиксы, а обязательное соседство и лексическое значение: *агач кытер, бер тһъкһ*); дистантное лексико-семантическое притяжение (связь, к которой относятся только дистантные обстоятельственные связи, основанные на лексическом значении: *кичһ тһитһн соһ очраитых*).

Управление в тюркских языках является одним из главных типов синтаксической связи, однако его изучение в тюркологии имеет сравнительно недавнюю историю. Оно исследуется в работах Н.К.Дмитриева, И.А.Батманова, В.М.Насилова, Н.П.Дыренковой, В.Н.Хангильдина, Е.И.Убрятовой, А.Т.Тыбыковой, А.Аблакова, Г.Г.Саитбатталова, Д.С.Тикеева и др..

Распространённым является мнение о том, что «грамматический процесс управления фактически связывается с употреблением падежей. Таким образом, любой случай употребления падежной формы принимается за управление» [2, 5]. Е.И.Убрятова определяет управление как «способ подчинительной связи слов в предложении, при котором зависимое слово выражает своё отношение к главному члену словосочетания своей падежной формой» [3, 55]. А.Н.Кононов считает, что «управление – такой синтаксический приём, при котором синтаксические отношения между членами словосочетания обозначаются односторонне выраженной связью» [4, 374]. А в «Грамматике современного узбекского литературного языка» определение управления формулируется как «тип синтаксической связи, при котором один из компонентов получает синтаксически обусловленное морфологическое оформление» [5, 342]. В «Грамматике азербайджанского языка» управление рассматривается как форма подчинительной связи, при которой падежная форма управляемого слова определяется лексико-грамматическим значением управляющего слова» [6, 219].

И в тюркских языках (как и в русском языке) в понимании управления и при формулировке определения было много разногласий и противоречий. В противовес вышеуказанным определениям существовали и другие, в которых употреблялось слово «требует». Этим выражалось отношение главного слова к зависимому. Например, в «Грамматике современного башкирского литературного языка» управление определяется как вид подчинительной связи, при котором «грамматически подчинённые слова становятся в той или иной форме косвенных падежей в зависимости от синтаксических потенций управляющего слова (глагола, имени и др.), заложенных в его лексическом значении или вытекающих из его грамматических характеристик» [7, 367].

Управление характеризуется в «Грамматике современного якутского литературного языка» «таким полисемантическим средством выражения, как падежные аффиксы, которые представляются постпозитивно к зависимому слову по требованию управляющего слова глагола» [8, 8]. После ознакомления с этими определениями возникает вопрос: а как же слабое управление, где ни о каком требовании не может быть и речи?

В тюркологии в основном внимание уделяется глагольному управлению, хотя в области теории именного управления всё ещё немало нерешённых задач и проблем.

И.А.Батманов рассматривает только глагольное управление [9, 13]. Н.К.Дмитриев [10, 206] и Э.Н.Наджиб [11, 115] выделяли два случая управления: управление глаголов и управление послелогов.

Но нужно сказать, что такие учёные, как А.Н.Кононов, Н.А.Баскаков, Э.В.Севортян, Е.И.Убрятова, М.Б.Балакаев, А.Аблаков и другие в своих исследованиях доказали, что управляющими словами могут быть не только глаголы, но и имена.

В частности, В.Н.Хангильдин выделяет одностороннее и двустороннее управление имен. Сочетания слов, которые состоят из управляющего и управляемого слов он определяет как сочетания с односторонним управлением. К двустороннему управлению В.Н.Хангильдин относит случаи, когда главенствующее и зависимое слова взаимоправляют друг другом, например, *ьстӄӄӄӄень тартмасы* (один вид взаимоправления, который выражает определенное значение), *ьстӄӄӄӄ тартмасы* (в этом случае выражается неопределённое значение) [12, 332]. По его мнению, двустороннее управление существует в двух вариантах: определённом и неопределённом. Особое внимание исследователь уделяет роли управляющего слова: «В татарском языке, как и в других тюркских языках, управляющими словами могут быть глаголы (переходные и непереходные), имена существительные, имена прилагательные, наречия, реже, во фразеологических оборотах – имена числительные» [12, 355]. Вместе с тем В.Н.Хангильдин не признает управление послелогов. Мы полностью разделяем эту точку зрения, так как считаем, что послелогов, как и падежные аффиксы, являются лишь средствами выражения смысловых отношений при управлении.

Автор «Казахского литературного языка» М.Б.Балакаев [13, 12] различает три вида связи управления: глагольное, именное, комбинированное. К глагольному управлению он относит глагольные словосочетания с управляемыми именами и со служебными словами (послелогов), к именному управлению – словосочетания с управляемыми именами (имя прилагательное, имя существительное, слова *бар*, *жок*, наречия состояния, составные имена существительные). М.Б.Балакаев утверждает, что тюркским языкам присуще ещё так называемое комбинированное управление, где «управляемые имена вступают в

синтаксическую связь не с одним основным глаголом, а с комплексом сложных сказуемых, их значения и функции раскрываются именно определённым сложным составом глагольных сказуемых» [13, 86]. Участие вспомогательных компонентов в комбинированном глагольном управлении рассматривает М.Б.Балакаев двояко: активное и пассивное.

В «Грамматике азербайджанского языка» [6, 219-223] выделяются глагольное управление, управление послелогов, управление имён существительных, прилагательных, числительных и наречий.

Г.Г.Саитбатталов [14, 96], помимо указанных видов управления, называет ещё и управление модальных слов. Данная Г.Г.Саитбатталовым классификация видов управления позже занимает место в «Грамматике современного башкирского литературного языка» [7, 367-374]. Если М.Б.Балакаев считал, что сильное управление может быть одиночным и двойным, то Г.Г.Саитбатталов отмечает и случаи тройного глагольного управления.

Взгляды тюркологов на управление развивались по двум направлениям. Одно из них характеризуется тенденцией сузить объём понятия управления, другое, напротив, расширить его.

Стремление ограничить круг фактов, относимых к управлению, в тюркологии обнаруживается в трудах В.М.Насилова (обстоятельства времени и места не управляются) [15, 13-14], А.А.Кокляновой (не управляются обстоятельства времени, причины и так далее) [16, 75], Н.Т.Сауранбаева (управляемо только дополнение) [17, 155]. Наиболее последовательно эта точка зрения отстаивается А.С.Аманжоловым, по мнению которого, к управлению относятся словосочетания только с объектными отношениями, а с обстоятельственным – к падежному примыканию [2, 97]. При изучении глагольного управления А.С.Аманжолов исходит из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих как господствующий, управляющий компонент объектного словосочетания.

Узкое понимание управления отрицательно влияет на выявление критериев, разграничивающих управление и примыкание. Управление оценивается не с точки зрения грамматических средств, используемых в синтаксических построениях, а с точки зрения степени участия лексического значения опорного слова в формировании словосочетания.

Сторонники широкого взгляда на управление в тюркологии различают сильное и слабое управление. Известно, что характер связи компонентов словосочетаний, образованных по способу управления, не всегда одинаков. Степень спаянности компонентов зависит как от лексико-грамматического значения управляющего слова, так и от цели и содержания всего высказывания. Вопрос о степени связи между компонентами словосочетаний издавна интересовал и тюркологов. Так, Н.К.Дмитриев утверждает, что «обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со своим управляющим глаголом, чем, например, дополнение» [10,

214]. Мы полностью разделяем это мнение. Сказанное можно иллюстрировать следующими примерами из современного татарского языка: 1) *ḡttisen kırde* (видел отца), *bezḡ kılde* (пришел к нам); 2) *urmanda kırde* (видел в лесу), *sḡgaty altyda kırde* (видел в шесть часов). Совершенно очевидно, что связь между компонентами второй группы словосочетаний значительно слабее, нежели первой.

А.Н.Кононов управление делит на сильное и слабое, при этом под сильным управлением понимается такая зависимость падежа существительного или существительного + послелог от глагола, при которой между падежом или падежом + послелог, с одной стороны, и семантическим или грамматическим значением глагола, с другой стороны, устанавливается необходимая связь. Под слабым управлением глагола понимается такая зависимость падежа существительного или существительного + послелог, которая «обуславливается не их внутренней лексико-семантической связью, а вызывается необходимостью некоторого уточнения, пополнения, сопровождения содержания действия» [18, 216].

Вернемся к точке зрения А.Аманжолова о признании управлением лишь словосочетаний с объектными отношениями. Конечно, в словосочетаниях с управляемыми словами, выражающими временные, причинные и пространственные отношения, связь между компонентами менее тесная, но, несмотря на существующие различия, таких словосочетаний нельзя полностью исключить из состава управления, так как: 1) в указанных словосочетаниях зависимые части подчиняются главным компонентам посредством падежных окончаний; 2) оформление управляемых слов тем или иным падежом зависит в определенной степени от лексико-грамматических значений главных компонентов; 3) в управлении зависимые компоненты подвергаются морфологическому изменению, на это реагирует и форма слов в словосочетании.

А.Аблаков также склонен различать сильное и слабое управление. По его мнению, такое деление присуще в основном глагольному управлению [19, 5].

Представленный обзор работ тюркологов позволяет сделать следующие выводы: в традиционном тюркском языкознании выделяются три вида подчинительной связи, но существуют и другие концепции. Одним из главных видов синтаксической связи является управление, в изучении которого существуют некоторые разногласия. Некоторыми учёными под управлением понимается такая синтаксическая связь, при которой падежная форма управляемого слова зависит от лексического значения управляющего слова; другие ученые рассматривают управление шире, учитывая лексическое и грамматическое значение управляющего слова, а также содержание всего высказывания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963. – 464с.
2. Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. – М.: Наука, 1969. – 103 с.
3. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л., 1950. – 305 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956. – 569 с.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л., 1960. – 446 с.
6. Грамматика азербайджанского языка. – Баку: «ЭЛМ», 1971. – 413 с.
7. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М: Наука, 1981. – 495 с.
8. Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1995. – 336 с.
9. Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1940. – 15 с.
10. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948. – 276 с.
11. Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 133 с.
12. Хангилдин В. Татар теле грамматикасы. Морфология һәм синтаксис. – Казан: Тат. китап нәшрияты, 1959. – 642 с.
13. Балакаев М.Б. Казахский литературный язык. – Алма-Ата, 1987. – 272 с.
14. Саитбатталов Г.Г. Способы связи слов // Исследования по грамматике современного башкирского языка. – Уфа, 1979. – С. 94-107.
15. Насипов В.М. Грамматика уйгурского языка. – М., 1940. – 264 с.
16. Коклянова А.А. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. Согласование и управление: Автореф. дисс. ... канд-та филол. наук. – М., 1953. – 22 с.
17. Сауранбаев Н. Қазақ тілі. – Алматы, 1953. – 134 с.
18. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв). – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
19. Аблаков А. Словосочетания, образованные способом управления в казахском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1987. – 52с.

REZUME

I. ZARIPOVA (Ufa)

FORMS OF SUBORDINATE LINKS IN TURKIC LANGUAGE

The article deals with the questions of distinguishing the subordinate links and its systematization of its basic forms in the Turkic languages. It gives a short view of works of turkologists on the managing problem, analyses “wide” and “narrow” understanding of this link form.